

УГОЛЬ В ГОРАХ

(ОЧЕРК)

Старинная Военно-Сухумская дорога извивается вдоль чудесной кубанской долины. С каждым километром пути перед взором открываются все новые и новые ландшафты: вот красноватые скалы, нависшие над самым руслом пенящейся реки, там светлосерые громады известняка окаймляют крутым обрывом берег Кубани, а рядом стелется пышный ковер из благоухающего разнотравия. Дорога то бежит по живописной долине, то цепко карабкается по суровым скалам и вдруг скрывается в горах, теряясь из виду. И чем ближе к горам, тем ярче краски неповторимого кавказского пейзажа, от которого не оторвешь глаз.

Еще один поворот, и взору открывается горная страна, оставляющая неизгладимое впечатление. Горы, с вершинами острыми и неприступными, тесным кольцом окружили Клухори — окраинный город Грузии. Отсюда кажется, что причудливые громады сплошь окутаны гигантским пестрым покрывалом. Природа соткала его из зеленого дубняка, соседствующего с кудрявой грушей, из чинары, чередующейся с яблоней, из сосны, возвышающейся над малинником, черешнями, орешником, рододендронам, шиповником. Лишь изредка покрывало разрывается чернеющими промоинами безымянных ручьев, и речушек.

Еще дальше поднимается новая гряда неприветливых суровых, гор с глубокими впадинами ущелий, заполненных мглой. И еще дальше виднеется Главный хребет кавказских гор, со сверкающим вечными снегами Эльбрусом.

Велики сокровища, хранящиеся в недрах этого края. Платину, золото, серебро, медь, железо, уголь и многие другое нашли здесь геологи.

Но особенно славится горный район южного Ставрополя залежами каменного угля. Здесь обнаружено наиболее значительное на всем Северном Кавказе месторождение черного золота.

Людская молва многие века разносила славу об угле в горах. Природа здесь не скрывала «черное золото» от глаз человека. Пласты угля выходили на поверхность по склонам гор в долине Кубани. Особенно много таких выходов было замечено вокруг Хумаринской крепости.

Столетие с небольшим тому назад была предпринята первая попытка организовать добычу угля. Из официальных источников известно, что в 1846 году наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков, увлеченный рассказами очевидцев о «даровом топливе», издал специальный приказ, которым распорядился открыть в горах копи. К работам было приступлено в самом срочном порядке, по военному. В балке (потом ее назвали Графской), расположенной в северной части Хумаринского месторождения, были спешно заложены так называемые «графские копи». В этом месте пласт угля выходил на поверхность и, казалось, уголь, что называется, сам пойдет в руки.

Все располагало к развитию предпринимательских appetитов. В приказах наместника излагались широкие по тем временам планы. Граф поставил задачу: в год добыть не менее 100 тысяч пудов угля.

Однако очень скоро действительность внесла свои существенные поправки в радужные планы. Добыча угля, даже выходящего на поверхность, оказалась делом не таким-то простым, как это рисовалось в ставке наместника. Разработка Хумаринского месторождения натолкнулась на серьезные препятствия — угля добывалось очень мало. Результаты работ не оправдали расчетов на «подручное даровое топливо». Крупные барыши, казавшиеся несомненными, не приходили, и военное ведомство сочло за лучшее ретироваться: оно так же поспешно отказалось от добычи угля, как и взялось за нее.

До наших дней сохранились следы «графских копий». Еще и сейчас то здесь, то там встречаются обвалившиеся ямы.

На смену военному ведомству пришли частные компании. «Графские копи» и все тогда известные месторождения были проданы частной компании горнопромышленника Крутицкого. Хозяева компании с годами менялись. Но никому из них угольной промышленности в горах создать не удавалось. Руководимые единственным желанием похода срывать барыши, они и не думали

организовать добычу угля по всем правилам горного искусства. Уголь брался только там, где он лежал близко, сам попадался под ноги. Добыча угля велась хищническим методом. Разработка месторождения производилась исключительно на тех участках, где уголь по склонам гор в долине Кубани выходил на поверхность. Техника производства была очень проста: по линии выхода угольного пласта через каждые 15 — 20 метров, закладывались «печи», из которых, по-просту говоря, выгребался уголь. Даже на самых богатых углем участках глубина выработки не превышала 100 метров.

Хищническая эксплуатация Месторождения сказывалась и в том, что никакой разведки недр хозяйчики не вели. Геологоразведочные работы требовали немалого расхода, а это в их расчеты не входило.

Сейчас советские горняки, обнаруживая давно завалившиеся «копи», удивляются:

— Сколько хороших участков перепортили, — говорит известный на Ставрополье шахтёр Бабенко, — прыгали, как белки, с участка на участок в погоне за легким углем и не замечали, что рубят сук, на котором сами сидят. Рыскали в поисках угля, а сами заваливали хорошие пласты. Да так заваливали, что теперь к ним без больших хлопот и не подступишь.

Настоящая промышленная разработка угля в горах начата только после Октябрьской социалистической революции. В годы советской власти широким фронтом проведены геологические исследования огромного каменноугольного района. Государство не скупилось на средства для организации самой тщательной разведки недр. Многочисленные группы геологов шли в горы на поиски угля. В результате было установлено, например, что на значительной площади Северного Кавказа (Краснодарский, Ставропольский края и Кабардинская АССР) недра содержат угленосные пласты. Многие геологи склоняются к тому, что район южного Ставрополя является наиболее богатым по запасам угля. Более всего разведанным оказались Хумаринское и Подкумское месторождения. Главным образом, на базе последних в годы первой сталинской пятилетки возникла угольная промышленность Ставрополя, которую шахтеры не без гордости называют «ставропольская кочегарка».

Пока геологи уточняли и подсчитывали подземные запасы угля, открывали новые пласты и целые месторождения, горняки Ставрополя не сидели сложа руки. Они вгрызались в горы, крушили пласты и выдавали уголь на-гора.

Быстро и уверенно создавались шахта за шахтой. Ставропольская кочегарка рождалась в годы, когда советские люди вели самоотверженную борьбу за досрочное выполнение первой сталинской пятилетки. На необъятных просторах социалистической державы рождались новые промышленные районы, строились первоклассные заводы, фабрики, шахты, нефтепромыслы, железнодорожные магистрали. Всю страну охватил невиданный подъем строительства.

В далекие уголки Союза доходили вести о том, что и на Северном Кавказе создаются новые угольные шахты, в горах начинается добыча угля.

* * *

Всякий, кому довелось побывать на угольных шахтах Донбасса, очутившись в угольном районе Ставрополя, обычно, задает такой вопрос:

— Так где же здесь, собственно, шахты? Ничего не вижу. Хоть одну шахту покажите. Все горы, горы...

Шахты почти рядом, но они не бросаются в глаза как в Донбассе. Здешние шахты внешне не похожи на донецкие. Нет здесь видимых на многие километры копров, возвышающихся над стволами шахт. Глаз не находит огромных донецких терриконов — черных, остроконечных навалов. Не слышно далёко разносящегося характерного шума мощных подъемных лебедок и свистков паровозов. Словом, в долине Кубани не увидишь и не услышишь всего того, что неразрывно связано с представлением о большой угольной индустрии.

Когда смотришь на район ставропольской кочегарки, прежде всего бросается в глаза широкая живописная долина Кубани, а ухо улавливает шум большой горной реки.

Здесь же и шахты. Но они едва заметно приютились у подножия гор или в расщелинах скал, спускающихся в долину.

Своеобразные геологические и рельефные условия создают здесь особую обстановку для горных работ и для добычи угля. В угольном районе Ставрополя закладываются небольшие шахты штольневого типа. Пласты угля, как правило, залегают горизонтально. Мощность угольного пласта

в большинстве случаев не превышает 50 сантиметров, а иногда бывает и того меньше. Однако работы, связанные с добычей угля в Ставропольских шахтах, ведутся по общепринятым правилам горных угольных разработок, по совершенным правилам технической эксплуатации. Правда, уголь добывается, преимущественно, ручным способом, но с широким применением взрывных работ и малой механизации.

Надшахтные сооружения состоят из несложной деревянной эстакады для сбора породы и транспортировки на склад выданного на-гора угля да будки, в которой установлена лебедка для подъема угля на поверхность.

Знатоки утверждают, что угольные разработки в южном районе Ставрополя чуть ли не единственные в своем роде. Когда-то бушевавшая здесь природа создала чрезвычайно сложное строение месторождения, которое характеризуется часто встречающимися сбросами или сдвигами пласта; угольный пласт вдруг засоряется прослойками породы, а потом и совершенно исчезает.

Но несмотря на все эти трудности, ставропольская кочегарка растет и с каждым годом увеличивает добычу угля.

— Был бы уголь, а надежные люди и верный способ вырвать его из самых коварных недр — всегда отыщутся, — сказал как-то управляющий шахтоуправлением № 2 Михаил Алексеевич Серединов. И сказал большую правду. Творческий порыв советских людей преодолевает самые, казалось бы, «непреодолимые» трудности.

* * *

Одним из первых добывать уголь в горах пришел потомственный горняк Владимир Васильевич Бабенко. Он пришел в долину Кубани с группой криворожских шахтеров. Это было ранней весной 1932 года.

— Красота природы и горы меня не привлекали, — вспоминает Бабенко. — Я еще в первую империалистическую войну повидал мира, довелось побывать и в Карпатских горах. И тогда мне врезалась в голову мысль, что лучше родных степей Криворожья ничего на свете нет. Так что природа тут не при чем. Забрался я в горы по другой причине. Когда мне сказали, что на Северном Кавказе нашли уголь и начинают его добывать, эта новость меня заинтересовала. Захотелось посмотреть, как это уголь в горах достают. Вот мы и тронулись в путь. Подобралось нас шесть горняков. Главной приметой нам служил Эльбрус. Рассказывали люди, где-то около этой высокой горы, такой будто высокой, что за двести верст ее видно, открываются новые шахты. Долго шли. Дошли до тех мест, где, по рассказам, уже должны быть шахты, а они все не попадались на пути. Так добрались до города, теперь он называется Клухори. Пошли по городу. Вдруг один из наших товарищей остановился и показал на вывеску: «Севкавуголь». Не успели мы как следует оглядеться, еще не решили, с чего начинать и что предпринять, как на крыльцо вышел улыбающийся человек и, обращаясь как к давно знакомым, сказал: «Шахтеры... а мы вас давно ждем! Нужны вы нам дозарезу».

Мы переглянулись, откуда он узнал, что мы шахтеры? Потом-то, когда я сам стал принимать людей, то тоже узнавал шахтеров по медлительной, как бы вяловатой походке, по скупым движениям крепких рук, по немногословности речи и по многому такому, что и словами не перескажешь... «Шахтеры-то мы шахтеры, в этом вы не ошиблись, — нерешительно сказал кто-то из нас. — А где ваши шахты? Что-то их не видно. — «Шахты? — переспросил улыбающийся человек, — ишь, какие вы быстрые, сразу вам шахту - подавай. Наши шахты будут ваши, если вы настоящие шахтеры, а не птицы перелетные».

С этими словами он подошел к нам и указал на долину, по которой мы только что шли: «Вот в этой долине, там мы добываем уголь. Там и шахты наши».

Долина перед шахтерами была вся как на ладони, а шахты на глаза не попадались. На лицах горняков отразилось недоверие: не потешается ли над ними этот весельчак?

Улыбающийся человек оказался инженером треста. Он проводил криворожцев на шахту № 1. Эта шахта одной из первых закладывалась на левом склоне долины Кубани.

В эти же дни пришло на шахты много и других горняков. Семья шахтеров быстро росла. Со всех концов земли советской стекались сюда люди. Были среди них и опытные шахтеры, раз и навсегда избравшие горняцкую профессию, и новички, пожелавшие овладеть искусством добычи черного золота. Люди прибывали группами и в одиночку — из Донбасса и Подмосковья, с Дальнего Востока и из Ростовской области, из Закавказья и с Украины, из Татарии и Ставрополя. Люди занимали свое

место в трудовом строю. Это не были «сезонники», время от времени ходившие в далекие края на заработки. Все чаще новые горняки приходили с семьями и оседали в горах на постоянное местожительство, прочно связывая свою судьбу с развитием шахт.

В числе многих так поступил и плотник из Татарии Михаил Иванов. Еще в детстве Иванов мечтал о Кавказе. Долгие годы он испытывал неудержимое желание взглянуть на этот благодатный край. С радостью встретил он весть о том, что он, плотник Иванов, будет желанным человеком на строящихся шахтах в горах. Иванов отправился на Кавказ и решил навсегда остаться на шахтах.

Иванов настойчиво звал на шахты свою семью. Нелегко было сорвать семью в 7 душ с места, обжитого отцами и дедами. Но письма с шахт шли такие, что не устоять. Семья Иванова переехала на жительство на Кавказ. Приехали семьи и к другим шахтерам — Бабенко, Серединову, Суркову.

Заселялась долина Кубани. Между селениями Красногорка, Каракент, Осетиновка возникали поселки шахтеров. Ставропольская кочегарка обрастала своими кадрами. Люди приобретали опыт добычи угля в горных условиях, совершенствовали свои навыки и приемы труда. За годы сталинских пятилеток здесь выросли и воспитались свои зарубишки, бурильщики, крепильщики, грузчики, механики, специалисты. Из их среды выдвигались командиры производства, умелые организаторы угледобычи, мастера горного дела. Они двигали вперед угольную промышленность Ставрополя.

* * *

В предвоенные годы каменноугольная промышленность края уже имела свои хорошо подготовленные кадры, способные обеспечить освоение нового угольного месторождения, способные преодолеть своеобразные трудности добычи угля в условиях горной местности.

В борьбе за развитие местной топливной базы, в борьбе за освоение нового и очень своеобразного месторождения родились убежденные патриоты ставропольской кочегарки. Это — люди, которые не жалеют своих сил, отдают горному делу все свои способности и знания, весь свой трудовой опыт. На их плечах поднялась местная угольная промышленность.

Попробуйте среди этих людей сказать что-нибудь такое, что умаляло бы значение местной угольной промышленности. Они тысячами аргументов докажут несостоятельность подобных высказываний, они напомнят решения партии о всемерном развитии местных угольных месторождений, они наизусть процитируют слова товарища Сталина, сказанные им на 17 партсъезде:

— Развернуть во-всю добычу местных углей во всех известных уже районах, организовать новые районы угледобычи.

Этот призыв вождя глубоко запал в сердца шахтеров Ставрополя. Он вдохновляет их на беззаветный труд. Горняки знают, что родина надеется на них, ждет от них угля. И шахтеры оправдывают эти надежды — поток угля возрастает с каждым годом, с каждым месяцем.

Бурильщик шахты № 6 Артем Ермолаевич Сурков о своих шахтах говорит так:

— Посмотрите на Кубань... Что вы там видите?

— Ничего особенного. Вижу реку... Река как река, только что быстрая.

— Вот то-то и оно, что быстрая! А почему она такая быстрая? Вот на этот вопрос мне ответьте.

— Известно почему. В горах чуть ли не каждый день, хлещет дождь. Надо же куда-то деваться воде. Она вся попадает в Кубань.

— Вот так же и наше шахтерское дело, — довольный удачным исходом беседы произносит Сурков. — У нас тут, конечно, не Донбасс. Знаю, с ним нам не равняться. Я десять лет проработал в Донбассе. Но и тут есть уголь и мы его, как видите, добываем. А это главное — уголь идет на-гора! А про Кубань я не зря завел разговор. И насчет дождя сказано правильно. Дождь ведь проливается по каплям. А из капель образуются ручьи, потоки, реки. И все они спешат в Кубань. Река от этого становится полноводной и мчится неудержимо. Теперь вернемся к вопросу о местной угольной промышленности. Ее уголь по всей нашей стране бурными притоками вливается в единый топливный поток, который питает все наше хозяйство. Так что и наши маленькие шахты играют большую роль. И мы гордимся своим шахтерским делом.

А гордиться шахтерам действительно есть чем. Угольная промышленность Ставрополя в годы пятилеток шла в ногу с бурным развитием всего народного хозяйства страны.

Яркое представление об огромных успехах шахтеров Ставрополя дают такие данные: за пять лет, предшествовавших Великой Отечественной войне (1936—1941 гг.) угля добыто почти столько

же, сколько за 65 дореволюционных лет. Темпы роста угледобычи станут еще нагляднее, если сравнить среднегодовую добычу угля в дореволюционное время с советской: за предвоенное пятилетие ежегодно выдавалось на-гора угля в 55 раз больше, чем до Октябрьской революции.

Эти немногие цифры убедительно свидетельствуют о том, на сколько основательно взялся коллектив шахтеров треста «Ставропольуголь» за развитие местной топливной промышленности. Накануне Великой Отечественной войны потребности края в каменном угле почти целиком удовлетворялись за счет местных ресурсов.

* * *

Успехи в развитии ставропольской кочегарки завоеваны упорным трудом всего коллектива шахтеров.

Семнадцать лет тому назад пришел в долину Кубани с группой криворожцев Владимир Васильевич Бабенко. В те времена долина Кубани была пустынна и необжита. Вокруг, сколько видел глаз, ни одной постройки. Лишь на левом краю ее, упиравшемся в огромный крутопадающий горный вал, виднелось какое-то черное пятно. Сюда-то и привел криворожцев инженер треста. Он объяснил, что черное пятно — вход в штольню закладываемой шахты № 1.

Никого из пришедших не удивила, тем более не огорчила такая обстановка. Шахтеры пришли работать, а работы здесь был непочатый край.

— Пришлось, — рассказывает Бабенко, — начинать сразу делать все: и к углю подбираться и бараки строить. Обушки, лопаты, пилы, топоры, молотки — все пошло в ход. На всякое дело нашелся свой мастер. Никто сил не жалел. Соревновались. В несколько дней построили бараки. Затем бараки сменил рабочий поселок с благоустроенными домами, школами, клубом, больницей. Коллектив шахтеров с каждым днем разрастался. Шахта № 1 первой вступила в строй действующих предприятий, стала давать уголь. Хотя угля выдавалось на первых порах и немного, но все же это была большая радость для всех горняков долины Кубани.

Ныне работающий управляющим первым шахтоуправлением Владимир Васильевич Бабенко вспоминает обо всем этом, как о чем-то очень далеком, ушедшем в невозвратное прошлое. Главным орудием производства были обушок и лопата. Нарубленный уголь из забоя шахтеры вывозили на санках, а на-гора поднимали по настилу тачками. Труд тяжелый и малопроизводительный. Но советские шахтеры сразу же и одновременно с созданием шахт начали совершенствоваться и способы труда, вводить механизацию.

Изобретательство, рационализация на шахтах получили широкий размах. Шахтеры широко начали применять взрывные работы, которые на много облегчили зарубку угля и увеличили производительность труда. Дедовские санки были заменены саморазгружающимися каретками. В шахтах проложили узкоколейные пути, по которым уголь вагонетками выдается на-гора. Появились подъемные лебедки. В долине Кубани засверкали электрические лампочки, а вместе с ними на шахты пришли электросверла и врубовые машины.

Добыча угля все больше и больше механизировалась.

16 созданных и введенных в эксплуатацию шахт быстро наращивали темпы добычи угля. Ставропольская кочегарка уже почти полностью обеспечивала потребности края в топливе.

Но созидательный труд шахтеров был прерван вероломным нападением немецких фашистов на нашу Родину.

* * *

Временная оккупация края гитлеровцами нанесла угольной промышленности Ставрополя огромный ущерб. На всех 16 шахтах внутришахтное и наземное оборудование было разрушено, механизмы приведены в негодность, электростанции сожжены.

Ущерб, причиненный оккупантами тресту «Ставрополь-уголь», по самым скромным подсчетам составляет 18,5 миллиона рублей.

Но сами по себе рубли не могут выразить всю полноту ущерба. Фашистские мерзавцы методически уничтожали плоды героического труда советских людей, вложивших в создание Ставропольской кочегарки максимум творчества, энергии, настойчивости.

Последним в те страшные дни покидал шахты Бабенко. Он возглавлял группу отважных шахтеров, оставшихся для борьбы с гитлеровцами. Люди отважно защищали свои шахты. Банды

фашистов уже учиняли дикую расправу над мирными жителями Усть-Джегуты, немецкие автоматчики появились в Красногорке, Каракенте. Горняки, отражая натиск врага, взорвали мосты единственной дороги, ведущей в глубь угольного района. Но силы были не равны, и шахтеры отступили в горы. Отсюда, со скал, возвышавшихся над долиной Кубани, они видели черные столбы взрывов и пожарищ там, где были родные шахты. И шахтеры поклялись жестоко отомстить врагу.

* * *

Война разбросала шахтеров по всей земле советской. Как и многие другие, Бабенко в рядах Советской Армии дрался с немецкими захватчиками. Он уничтожал фашистов на Северном Кавказе, участвовал в освобождении Нальчика и Пятигорска.

Серединова, как специалиста горного дела, направили добывать медную руду в Армению.

Забойщик Сурков в рядах Советской Армии с боями прошел почти всю Европу. Побывал в Берлине. Несколько раз был ранен и контужен.

Но где бы ни пришлось быть шахтерам, постоянно помнили они о долине Кубани и через войну пронесли в сердцах своих неистребимую любовь к родным шахтам, к радостному мирному труду на благо родины.

* * *

Советские войска, выполняя гениальный план своего великого полководца Генералиссимуса Сталина, перешли в наступление и громили гитлеровские орды. Радио всюду отыскивало горняков Ставрополя и рассказало им радостную весть: 11 января 1943 года Советское Информационное бюро сообщило, что на Северном Кавказе наши войска после упорных боев овладели городом и железнодорожным узлом Минеральные Воды, городом и железнодорожной станцией Пятигорск, городом и железнодорожной станцией Кисловодск, городом и железнодорожной станцией Железноводск, городом и железнодорожной станцией Буденновск, а также районными центрами — Ачикулак, Архангельск, Александровск.

Это сообщение Информбюро предвещало скорое освобождение всего Ставрополя.

21 января 1943 года советские войска освободили краевой центр — город Ставрополь.

И еще не угасли пожарища войны, еще дымились села, станицы, аулы в долине Кубани, но уже с разных концов страны горняки устремились на свои шахты.

Одним из первых, прямо с госпиталя на шахты вернулся Бабенко. 17 лет труда прочно связали его судьбу с развитием угольной промышленности в горах. Когда пришло предписание о демобилизации специалистов горного дела, Бабенко ни минуты не раздумывал, куда ехать. Этот вопрос был давным-давно раз и навсегда им решен. Конечно, на шахты, которые зарождались и росли на его глазах, в развитие которых он вложил немало своих сил.

В те же дни на шахтах появился и Серединов. Нелегко далось ему возвращение. С меднорудных разработок в Армении, где он работал в дни эвакуации и зарекомендовал себя старательным и опытным работником, его не отпускали. Конечно, и на медных рудниках как и всюду, делалось необходимое для родины дело, но Серединов не представлял себе, как может он оставаться в Армении, когда на Ставрополье начинали возрождаться его родные шахты. Он писал администрации рудников страстные письма: «Отпустите на шахты Ставрополя. Там я начинал осваивать месторождение угля в горах. Когда я не там, то мне всегда чего-то не хватает. Мне снится долина Кубани. В ушах моих слышится шум бурной горной реки. Мне чудятся шахты в скалах».

Он спорил, доказывал, и администрация не устояла. Серединов (ныне управляющий шахтоуправлением № 2) вновь оказался в своем родном коллективе.

Сурков вернулся несколько позже. Основательно задержался в госпиталях. Не раз он доказывал врачам, что ему уже можно выписываться, что он вполне здоров, что «без шахт ему жизни нет», но врачи попадались несговорчивые, удерживали Суркова «до полного выздоровления». Наконец, квалифицированный забойщик вернулся домой. Вернулся инвалидом: прострелена правая рука, перенесена тяжелая контузия.

День за днем появлялись на шахтах люди в выцветших и обветренных всеми ветрами солдатских гимнастерках и офицерских кителях. В них шахтеры узнавали старых друзей, с которыми закладывали шахты, выполняли планы угледобычи, строили дома, школы, больницы, клубы.

Снова, как и в годы первой пятилетки, собирался и разрастался коллектив шахтеров. Но это уже был другой коллектив. Он состоял из людей, за плечами которых был богатый опыт работы на шахтах в горах, годы войны, закалившие их волю, еще больше научившие их преодолевать любые трудности.

* * *

Демобилизовавшиеся воины застали ставропольскую кочегарку бездыханной. Все шахты были разрушены, все было мертво. Но сокрушенно вздыхать и охать перед трудностями не в характере советских людей. Фронтное бесстрашие и настойчивость в достижении поставленной цели получило свое продолжение в трудовом энтузиазме.

Как и во всех районах нашей страны, подвергавшихся разрушению от рук фашистов, восстановление разрушенного не было простым воспроизводством того, что было уничтожено оккупантами. Восстанавливая шахты, коллектив шахтеров совершал крупный шаг вперед. Шахты должны быть лучше довоенных — таков лозунг, под которым велись восстановительные работы. Взять хотя бы шахту № 6. Эта шахта до войны заслуженно считалась одной из лучших: она давала хорошую добычу и высокое качество угля. Оккупанты разрушили копер, взорвали ствол, сожгли электростанцию, завалили вентиляционный ствол и все подземные разработки.

Советские шахтеры, вернувшись с фронта, почти сразу же начали выдавать уголь из этой шахты. После тщательного осмотра было обнаружено, что вентиляционный ствол шахты оказался меньше всего разрушенным и требовал незначительных восстановительных работ. Он немедленно был отремонтирован. На поверхности срочно оборудовали конный барабан для подъема из шахты угля, и уголь пошел на-гора.

Таким образом, добыча угля здесь опередила основные восстановительные работы. Руководители треста, шахтоуправления и горняки на производственных совещаниях детально обсуждали вопрос не только о восстановлении шахты, но и об ее реконструкции. Дело в том, что главный ствол этой шахты в отличие от других шахт «Ставропольугля» был проложен вертикально. Сильный взрыв разрушил его до основания. Нужны были огромные затраты сил, средств и времени, чтобы привести его в рабочее состояние. Потребовалось бы расчищать не только сам ствол, но и крепить в целях безопасности грунт, окружающий его. Так поступать с экономической точки зрения было нецелесообразно.

После тщательного обсуждения все единодушно сошлись на том, что восстанавливать взорванный ствол не нужно и эту мысль надо окончательно отбросить. Но тут же возник новый принципиальный вопрос: стоит ли вообще закладывать новый вертикальный ствол? Практика показала, что в своеобразных условиях Хумаринского месторождения угля вертикальная проходка не оправдывает себя. Вертикальный ствол позволяет поднимать только одну вагонетку. Спуск людей в шахту по вертикальному стволу по крутой лестнице затруднителен, использование лошадей в шахте также затруднено. При вертикальном стволе обязательно нужно строить подземную конюшню. Если же сделать наклонный ствол, то все эти недостатки будут устранены, и производительность шахты можно будет значительно увеличить.

Расчеты шахтеров целиком оправдались. В первом году послевоенной сталинской пятилетки реконструированная шахта № 6 вступила в строй, но уже с удвоенной производительностью по сравнению с той, какая была до войны.

Прошло немногим более года и этот крупный производственный успех получил новое развитие: на электростанции шахты № 6 в середине 1948 года установлен новый локомобиль. Электрическая энергия пошла на развитие и усиление механизации: заработали электрические сверла и врубовые машины, чего не было до войны. Механизация важнейших производственных процессов на базе передовой техники еще больше увеличивает производственную мощность шахты и значительно улучшает условия труда шахтеров.

Находчивость и изобретательность коллектива шахтеров и специалистов проявляются всюду. Творческий подход к делу, смекалка горняков, смелое новаторство, опирающееся на многолетний опыт, расчищают дорогу к углю.

Шахта № 1 — самая крупная в тресте «Ставропольуголь». Здесь оккупанты щедро расходовали взрывчатку и средства поджога. Предав огню электростанцию, надшахтные сооружения и механизмы, они завалили ствол шахты на протяжении двух километров.

Восстановление шахты началось с расчистки ствола. Больше года ушло на то, чтобы освободить первые 250 метров ствола от завалившей его породы. Стало ясно, если продолжать восстанавливать шахту такими методами, то на все работы потребуется не менее восьми лет. Такие «перспективы» заставили коллектив шахтеров призадуматься. И тогда в коллективе шахтеров родилась мысль: обвалившуюся породу не выдавать на поверхность, а тут же на месте укладывать по боковинам ствола. И ствол можно укрепить, и время сэкономить. Так и поступили. Опыт удался. Блестяще оправдал себя. Не восемь лет, а всего лишь четыре месяца потребовалось на восстановление ствола шахты № 1.

Так шахта за шахтой восстанавливается и развивается ставропольская кочегарка.

* * *

Начало послевоенной сталинской пятилетки трест «Ставропольуголь» встретил во всеоружии. Из 16 шахт, эксплуатировавшихся в предвоенные годы, уже были восстановлены 12. Уголь добывали все возрастающими темпами.

О широких масштабах и быстрых темпах восстановления шахт свидетельствуют такие цифры: за короткий срок были введены в строй 3000 погонных метров штреков, 600 погонных метров людских ходков, 2 электростанции, 4 углеспуска, два поверхностных бремсберга, 250 откаточных вагонеток. Исправлено все подземное и поверхностное оборудование.

Первый год послевоенной сталинской пятилетки шахтеры Ставрополя ознаменовали большими трудовыми победами. План 1946 года был ими выполнен на 120 процентов. В сравнении с предыдущим 1945 годом добыча угля возросла на 59 процентов. Шахтеры не только добывают уголь, но и заботятся о завтрашнем дне. Они энергично вели горно-подготовительные работы. В 1946 году план расширения линии забоя выполнен на 145 процентов.

Так же успешно закончили шахтеры Ставрополя и второй год новой пятилетки. Значительно увеличенная на 1947 год в сравнении с 1946 годом производственная программа перевыполнена на 38 процентов. Линия забоя и в этом году расширилась; план горно-подготовительных работ был выполнен на 143,6 процента.

За выдающиеся производственные успехи тресту «Ставропольуголь» присуждено пять республиканских премий Совета Министров РСФСР и ВЦСПС. Большая группа передовиков награждена почетными грамотами Крайкома ВКП(б) и Исполкома Краевого Совета депутатов трудящихся.

Новым производственным подъемом ознаменовался третий решающий год послевоенной сталинской пятилетки. Призыв ленинградцев выполнить пятилетку в четыре года горняки Ставрополя встретили с огромным энтузиазмом. Все шахтеры дали свои личные обязательства, которые они составили с расчетом выполнить пятилетку в четыре года.

Шахтеры не бросают слов на ветер. Они всегда оставались верными своему обещанию, с честью его выполняли.

Производственное задание за десять месяцев решающего года пятилетки шахтерами Ставрополя значительно перевыполнено.

Подъем угледобычи с каждым месяцем приближается к довоенному уровню. Согласно пятилетнего плана в 1949 году должен быть достигнут этот уровень, а в 1950 году угля должно добываться на 20 процентов больше, чем его добывалось до войны.

Трудовой энтузиазм шахтерского коллектива в ходе борьбы за развитие местной угольной промышленности вносит в план свои существенные поправки.

В ответ на отеческую заботу большевистской партии и советского правительства шахтеры дали слово достигнуть еще более высокой производительности труда и значительно снизить себестоимость угля.

В борьбе за выполнение пятилетки в четыре года шахтеры Ставрополя идут в ногу с передовыми предприятиями страны. На шахтах быстро и энергично применяется передовой опыт советской промышленности. По почину московских предприятий развернута борьба за экономию материалов и средств, за снижение себестоимости, за рентабельность производства. На

производственных совещаниях шахтеров было обсуждено письмо директоров девяти московских предприятий к товарищу Сталину об отказе от государственных дотаций. В результате этого обсуждения в марте 1948 года все участки и цехи шахт были переведены на хозяйственный расчет.

Хозяйственный расчет заставил внимательнее присмотреться к технологии производственных процессов и кое-что изменить в ней. Оказалось, например, возможным уменьшить на один рубль расход взрывчатки на каждую тонну угля. За год это составит более 100 тысяч рублей экономии. Сокращение расходов на взрывчатку привело к улучшению качества угля, так как чрезмерное использование взрывчатки распыляло уголь, снижало его качество.

Были тщательно изучены особенности залегания угольного пласта и пород, что дало, в конечном счете, возможность без всякого риска сократить на 30 — 40 процентов расход лесоматериала. Если же учесть, что протяженность горных выработок на всех шахтах треста «Ставропольуголь» составляет 17 километров, то можно легко представить, какое большое количество материала, труда и средств позволит сэкономить это мероприятие.

Повышая изо дня в день добычу угля, шахтеры и специалисты треста озабочены созданием прочной энергетической базы для широкого внедрения механизации во все процессы работ. К весне 1949 года намечен пуск новой мощной электростанции. Обилие электроэнергии приведет в движение врубовые машины, электросверла, мощные лебедки.

* * *

Ставрополье — край пшеничный. Борьба за хлеб — главное направление борьбы за расцвет края. Но горняки не стоят в стороне от центрального фронта, на котором упорно сражаются хлеборобы. Шахтеры Ставрополья, так же как и работники сельского хозяйства, действуют на главном направлении. Об этом часто говорит забойщик Аркадий Иванов.

— Край наш сельскохозяйственный, он производит хлеб, а мы, шахтеры этого края, добываем уголь. Может показаться, что мы на разных направлениях находимся. Но это только так кажется. Нет, мы тоже действуем на главном направлении и даже на самом его переднем крае. Уголь — это хлеб, только этот хлеб особого рода. Без этого хлеба ни промышленность, ни железнодорожный транспорт не смогут работать. Значит, ставропольские шахтеры тоже производят нужный хлеб. Зайдите в любую колхозную кузницу нашего края и спросите кузнецов: откуда уголь, что горит в вашем горне, — ответ получите один и тот же: «уголек этот свой, ставропольский». Поинтересуйтесь, какой уголь горит в ремонтных мастерских машинно-тракторных станций. Всюду наш, ставропольский уголь. Возьмите многочисленные предприятия строительных материалов нашего края — кирпичные, черепичные, известковые заводы — они и шагу не сделают без нашего угля. А хлебозаводы, санатории, школы, больницы, клубы — все они пользуются местным углем. Кроме того, прикиньте, сколько жилых домов населения края отеплятся добытым нами углем. Сложите весь этот расход топлива и получится множество эшелонов угля, нагружаемых в ставропольской кочегарке. Так что наша местная угольная промышленность — это не окраина края, случайно прилепившаяся к житнице страны, а его неперемнная и очень важная составная часть.

В этих словах шахтера звучит огромная радость за свой труд и понимание большой государственной значимости совершаемого им дела. Советские патриоты, трудящиеся под землей, живут общими интересами со всеми трудящимися края страны, это с каждым днем крепнущее сознательное отношение к своему труду является непреодолимой двигательной силой, увлекающей широкие массы горняков на новые трудовые подвиги.

* * *

«Социализм глубоко вошел во всю нашу жизнь,— говорил товарищ Молотов в докладе, посвященном тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. — Следует признать, что важнейшим завоеванием нашей революции является новый духовный облик идейный рост людей, как советских патриотов... Духовный облик нынешних советских людей виден, прежде всего, в сознательном отношении к своему труду, как к делу общественной важности и как к святой обязанности перед Советским государством... Широта размаха и содержание соревнования определяют теперь достигнутый здесь или там уровень коммунистического отношения к труду среди советских людей».

Эти благородные черты нового, советского человека нашли свое яркое выражение в шахтерском коллективе ставропольской кочегарки. Производственные успехи в угольной промышленности в долине Кубани — это дело рук советских патриотов, выращенных партией Ленина — Сталина. Коммунистическое завтра, создаваемое сегодня, вдохновляет и увлекает их на новые трудовые подвиги.

Шахтеры ставропольской кочегарки — это уже не те шахтеры, какими они были много лет тому назад, когда пришли в горы осваивать новое месторождение угля. Борьба за осуществление сталинских пятилеток и суровые годы Отечественной войны выковали из них мужественных патриотов, живущих интересами Родины и на благо ее отдающих всю свою энергию, все свои способности.

Заслуженным уважением среди шахтеров пользуется Владимир Васильевич Бабенко. Его жизненный путь известен каждому горняку. Сын потомственного горняка, он сам с тринадцати лет работает на шахтах. Тридцать пять лет прошли в труде под землей, из них 17 лет на шахтах Ставрополя. Он в совершенстве изучил все шахтерские профессии. Начав с коногона, с чего обычно начинают все подростки, когда приходят на шахту, он многие годы работал забойщиком, затем десятником, потом начальником участка и, наконец, заведующим шахтой. Сейчас он руководит шахтоуправлением № 1.

Обогащенный жизненным и производственным опытом, Бабенко в 1937 году вступил в члены ВКП(б). Имя коммуниста ко многому обязывает: надо быть в авангарде, вести за собой людей, организовать их на борьбу за высокую производительность труда. Владимир Васильевич Бабенко высоко держит звание коммуниста.

Неистощимая деловая инициатива, бескорыстное отношение к делу и честное, большевистское отношение к труду прочно утвердили у шахтеров мнение: где Бабенко, там в хвосте не будешь плестись.

Почти на всех шахтах треста пришлось побывать Владимиру Васильевичу. Руководство треста всегда посылало его на слабые участки. Шахты, управляемые им, неизменно и быстро выходили из прорыва.

Как не похожа жизнь советского горняка на дореволюционную. Отец Бабенко, работая под землей по восемнадцать часов в сутки на капиталиста, не имел возможности обучить своего сына даже грамоте.

Совсем иначе сложилась жизнь семьи Владимира Васильевича. Дети Бабенко получили прекрасное образование: Николай — в Новочеркасском мелиоративном институте, Иван — в медицинском техникуме, Андрей и Вера — в десятилетке. Сам Владимир Васильевич с помощью большевистской партии вырос в талантливого руководителя государственного предприятия.

Пожалуй, одной из самых характерных черт Бабенко является его знание людей и умение организовать их на выполнение главной задачи.

— Люди, — говорит Бабенко, — на шахтах разные, каждый со своим характером и особенностями. Чтобы руководить правильно коллективом, надо знать каждого рабочего. Знание людей мне всегда облегчало задачу произвести правильную расстановку рабочих на производстве. А человек на своем месте всегда лучше работает.

Командир производства Бабенко большую часть своего времени проводит среди шахтеров. Он успевает побывать и в нарядной перед сменой, и в забое во время зарубки угля, и в квартирах рабочих. И всюду его принимают как уважаемого руководителя, знающего свое дело и своевременно дающего нужные советы.

Страна требует: больше угля! Отвечая на это требование, Владимир Васильевич Бабенко изыскивает новые возможности увеличения угледобычи.

В балке Каракент он обнаружил выходящий на поверхность угольный пласт. Организовал исследование этого пласта, привлек к этому делу специалистов. Его расчеты подтвердились. В конце 1947 года новая шахта № 2-бис вступила в строй действующих.

Беспокойный Бабенко вникает во все детали работы новой шахты, «ставит ее на ноги». Сначала добыча угля здесь велась таким же способом, какой часто применяется там, где пласт угля не превышает 50 сантиметров, — сначала снимался нижний слой породы, «сподняк». Это создавало известный простор в работе. Но подрыв и очистка «сподняка» имеет немало и отрицательных сторон. Подрыв нижнего пласта ослабляет кровлю. Верхние слои породы дают осадку. Иногда при

этом способе создается такая обстановка, при которой работа в шахте становится не безопасной. Кроме того, подрыв и уборка «сподняка» отнимает много времени, сил и средств.

Нельзя ли «сподняк» не тревожить и вести добычу угля без выемки нижней породы? Испробовали новый способ. Опыт удался. В результате, производительность шахты, сразу возросла на 200 процентов.

Пятидесятилетний потомственный шахтер Владимир Васильевич Бабенко полон творческой энергии.

Во время последних выборов в местные советы Бабенко избран депутатом Ставропольского Краевого Совета депутатов трудящихся.

* * *

Аркадий Иванов, ныне известный всем шахтерам забойщик, вырос в долине Кубани. Сюда его подростком привез отец, работавший плотником на шахте. Здесь он окончил неполную среднюю школу. На его глазах в горах закладывались шахты. Он был живым свидетелем их быстрого роста. Шахты для него стали родными и близкими.

Шахтерское дело увлекло Аркадия. Ему страстно хотелось поскорее стать взрослым, чтобы надеть шахтерку, захватить лампочку и степенной походкой бывалого горняка спускаться в шахту рубать уголь.

Перед самой войной Аркадий пошел в контору шахты, рассказал управляющему о своей заветной мечте стать шахтером. Управляющий улыбнулся.

— Еще успеешь. Шахты от того, кто их любит, никуда не уйдут. Сначала подрасти.

Годы, правда, были небольшие. Аркадию шел шестнадцатый. Но больше всего подводил рост: Аркадий был так мал, что выглядел моложе своих лет.

— Так я же большой, — запальчиво и по-ребячески серьезно доказывал Аркадий, — посмотрите... Я хорошо буду работать.

Но управляющий не изменил своего решения и еще раз посоветовал «подрасти».

Сговорчивее оказался коногон, вокруг которого с давних пор вертелся Аркадий. Коногон работал на поверхности, управлял лошадью, вращавшей барабан, при помощи которого уголь выдавался на-гора. Конный барабан здесь называли «воротком». Аркадий целые дни проводил около «воротка». Коногон, когда не было поблизости начальства, уступал свое место «внештатному помощнику». Ходя за лошадью, слушая визгливое поскрипывание барабана, Аркадий чувствовал себя причастным к тому, что звучало для него чудесной музыкой — горняк.

Аркадий в конце концов победил. Его рвение к работе на шахте не осталось незамеченным. «Внештатного коновода» поддержал райком угольщиков, и Аркадий был зачислен коногоном в штат шахты.

Коногоном работал недолго. Не об этом он думал, когда стремился на шахту. Его тянуло под землю, туда, где добывают уголь. И вскоре он поднялся по трудовой лестнице на ступеньку выше: спустился в шахту навалщиком угля.

Рассказывая об этой поре своей трудовой деятельности, Аркадий замечает:

— Кто любит свое дело и умеет хорошо его выполнять, тому любая работа поддается.

Аркадий хотел стать забойщиком. Забойщик! Кому из горняков не хотелось выйти в забойщики, чтобы вгрызаться в пласт, крушить его на куски. Забойщик — это главная профессия горняка.

Аркадий Иванов, работая навалщиком, присматривался к работе забойщиков, изучал их методы, не упускал случая, когда предоставлялась возможность подержать в руках обушок. Да что подержать — поработать им, — вот что главное! Бывало, сядут забойщики покурить, а Аркадий — за обушок и в забой.

Со стороны может показаться, что зарубка угля простое дело. Но не сразу и не всякому оно дается. Надо пласт понимать, знать его строение, а оно, строение пласта, часто меняется, особенно в горных шахтах. Надо наловчиться быстро и правильно «читать» структуру пласта, а уж потом умело налегать на обушок. Лучше, всего рубить уголь по клеважу, то есть по еле заметным расщелинам в пласте. Здесь угольная масса мягче и зубок обушка легче откалывает куски угля.

Старый забойщик Пожидаев как-то посмотрел на работу Аркадия и сказал несколько ободряющих слов:

— А из тебя, Аркадий, видать, выйдет добрый забойщик.

Все знали мастера угольной зарубки Пожидаева. Он пустых слов никогда не говорил. Приметил это и Иванов и уже уверенно переступил порог кабинета управляющего шахтой:

— Хочу работать забойщиком. Пошлите меня в бригаду Пожидаева.

Управляющий привык к упорству Иванова и на этот раз не стал возражать.

Опытный горняк Пожидаев учил, помогал молодому забойщику. Аркадий горячо взялся за дело, к которому всей душой стремился. Тонны нарубленного угля красноречиво говорили, что Пожидаев был прав. Новый забойщик с честью выдержал экзамен на зрелость шахтера. Скоро он стал обгонять «старичков» — бывалых забойщиков.

...Аркадий Иванов равнодушен не только к горному делу. Второй его неудержимой страстью являются книги. Приходя из шахты домой, он с ними не расстается. С большим волнением прочитал «Молодую гвардию» и «Разгром» Фадеева. Ему понравилась книга Бирюкова «Чайка». Много интересного нашел он в книге о генерале Багратионе. Прочитал брошюры о социалистическом соревновании. Сейчас изучает «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)».

Молодой забойщик парторганизацией шахты принят кандидатом в члены ВКП(б).

Быстро Иванов достиг совершенства в забойном деле. Когда Пожидаев уехал в командировку, все единодушно сошлись на том, что руководить передовой пожидаевской молодежной бригадой должен Аркадий Иванов.

Управляющий, встретив как-то молодого бригадира, сказал:

— Скоро к тебе, Аркадий, пристала добрая слава. Смотри, не отпускай ее от себя.

— Не подкачаю, — ответил Иванов. — Нельзя подкачать. Я же товарищ управляющий, коммунист.

Аркадий Иванов систематически перевыполняет свою норму. Он одним из первых откликнулся на призыв ленинградцев, среди шахтеров стал зачинщиком соревнования за выполнение пятилетки в четыре года. Взяв на себя личное обязательство выполнить в четыре года свою пятилетку, он вызвал на соревнование забойщика Гармаш, старого и опытного забойщика, долго работавшего в Донбассе. С таким соревноваться нелегко. Но соревнование разгорается. И Иванов идет впереди, обгоняет своего «соперника». На доске показателей в графе Иванова из месяца в месяц стоят цифры 150 — 160. Эти цифры в процентах отражают ход выполнения личного обязательства. Гармаш идет по пятам.

Соревнование продолжается. Творческий подход к делу неизменно приносит Иванову успех. Он отменяет устаревшие методы работы, ищет и совершенствует новые. Обогнать товарища ему удалось своим, особым способом зарубки угля. При распределении в забое паяв для работы забойщиков Иванов всегда берет самый большой. Если старые забойщики Киреев и Камальдинов берут пай по 4 — 6 метров шириной, то Иванов просит себе пай в 10 метров. Сначала кое-кому это показалось молодежным ухарством. Потом всем стало ясно, что у Аркадия есть точный расчет. На десятиметровом участке легче вести зарубку угля, чем на участке в 4 — 6 метров. Во-первых, при большем фронте линии забоя удобнее маневрировать; во-вторых, на широком участке забоя давление кровли облегчает выемку угольного пласта.

— Я возьму в своем десятиметровом пае глубину в 20 сантиметров и отвалою подрубленный пласт. В результате выработка у меня на много выше, чем у Киреева и Камальдинова. Они работают по-старинке, уступом, законурятся в своем пае и копаются в тесноте, — так объясняет Иванов преимущество своего способа.

Главный инженер шахты Калегав немногими словами, определил сущность характера Иванова:

— Иванов — молодой забойщик, но работает во всю душу, не хитрит, всего себя отдает делу.

Работать «во всю душу» на шахтерском языке означает трудиться не за страх, а за совесть, как трудятся подлинны патриоты.

Коммунист Иванов воспитывает у своих товарищей коммунистическое отношение к труду, показывает личный пример государственного подхода к своей работе, увязывает ее с задачами всего Ставрополя.

Отвечая на поздравления по случаю очередных производственных успехов, Иванов сказал:

— Шахтеры не имеют права плохо работать. Хлеборобы нашего края написали письмо великому Сталину, пообещала завоевать высокий урожай, чтобы дать стране больше хлеба. Слово свое хлеборобы выполнили. Нам, горнякам, нельзя отставать. Мы ведь тоже боремся на главном

направлении. От нас во многом зависит работа колхозных кузниц, ремонтных мастерских МТС и совхозов.

* * *

Всю Европу с боями прошел забойщик Артем Ермолаевич Сурков. Побывал в главном логове фашистов — Берлине. Но о шахтах в горах пи на миг не забывал. Отсюда он в первые дни войны ушел на фронт. Сюда и вернулся после демобилизации... Вернулся инвалидом.

Доблестного воина встретили тепло и радушно. Начальство и близкие, глядя на его простреленную правую руку, советовали отдохнуть. Сурков еще в госпитале предвидел эти «советы» и хорошо вооружился против них. Об отдыхе он и думать не хотел.

— Какой теперь отдых, — взволнованно говорил он, — разве об отдыхе люди думают, когда начинается новая пятилетка. Да еще какая пятилетка! Я хотя и беспартийный, а речь товарища Сталина о послевоенном плане строительства очень хорошо изучил. Когда вдумаешься в нее как следует, хочется работать за троих. Только подумать, какой план надо выполнить! А вы говорите — отдыхать.

Видели люди, что Суркова не так-то просто уговорить «отдохнуть». Стали советовать самое подходящее дело для неугомонного инвалида: определиться конюхом на конном дворе или сторожем. В этих словах товарищей Суркову слышалось что-то обидное: бракуют его. Да еще в такое время, когда шахтерам предстоят славные дела. Сурков упорно настаивал на своем:

— Двадцать лет проработать на шахте крепильщиком, бурильщиком, забойщиком, — говорил он, — кому после этого захочется итти конюхом или сторожем. Сколько я свету навидался за войну, а о работе на шахте всегда вспоминал как о самом хорошем. Когда я не в шахте, то не живу настоящей жизнью. Нет, уже если работать, то только в шахте. На любой работе, но в шахте... Ну, может быть, в забойщики теперь я и не гожусь — это верно. Да мало ли в шахте других дел.

Долго спорил Сурков, доказывая свою способность к подземной работе, а потом в ходе разговора, неожиданно для собеседников, указал на бурлящую в долине реку Кубань и сказал:

- Что вы там не говорите, а я как рыба. Возьмите форель и выньте ее из Кубани. Она зачухнет. Так и я. Чувствую себя на своем месте, когда в шахте. Там мне даже дышится легче. Где только мне не довелось трудиться, но работу в забое ни на что не променяю. А отдыхать мне еще рановато. После войны, как после большого пожара.

Нет таких шахтерских профессий, какими бы не владел Сурков. Теперь больше всего ему подходила роль бурильщика. На ней и остановил он свой выбор. Выбор этот был сделан не случайно. Сурков стремился к тому, чтобы и на трудовом фронте быть в первых рядах, в первой шеренге борцов за выполнение послевоенной сталинской пятилетки. А роль бурильщика в ставропольской кочегарке принадлежит к важнейшей и ответственной. Здесь в отбойке угля широко применяются взрывчатые материалы. В шахтах, где механизированы забои, успех зависит от работы врубовых машин, а в шахтах треста «Ставропольуголь» рост добычи угля всецело находится в зависимости от правильной организации взрывных работ и умелого использования силы взрыва. Бурильщик расчищает путь для забойщика, он подготавливает успех забойщика.

Сурков показал себя умелым и способным бурильщиком. Скоро шахтеры перестали говорить об инвалиде Суркове. Они с большим уважением отзываются о стахановце-бурильщике Суркове. Уверенный в своих силах, Сурков вызвал на соревнование Лиева — бурильщика невероятной силы.

Как-то Сурков увидел, что Лиев, ради баловства, в минуты отдыха развлекал шахтеров тем, что шеей поддевал под брюхо лошадь, а руками брал ее за гриву и хвост и без большой натуги носил по шахте.

— Не для таких шуток сила дана человеку, — сказал Сурков, обращаясь к Лиеву. — Ты на деле ее покажи. Давай соревноваться, кто лучше бурение поведет.

Лиев вызов принял. Тут же был заключен договор. Личное задание, было составлено с таким расчетом, чтобы выполнить пятилетку в четыре года.

— В соревновании, — с гордостью заявляет Сурков, — я побеждаю Лиева. Свою норму я выполняю на 140 — 150 процентов. Бурение — это такая работа, где одной физической силы недостаточно. Здесь, как и во всяком другом деле, нужна расторопность и ловкость. Надо проворно перемещать с места на место по лаве инструмент и буровое оборудование, быстро устанавливая его и умело управлять им. У Лиева так пока не получается и он отстал от меня.

Сурков стал известен, как новатор.

— Лиев отстал еще и потому, — объясняет Сурков, — что все время работает по-старинке. Он не думает о своей работе. А любое дело, если к нему присмотреться повнимательнее, можно улучшить и усовершенствовать. Я тоже долго бурил, как все. Три шпура делал в нижней части угольного пласта с интервалом между каждой буркой в метр, а в верхней части пласта, между нижними тремя шпурами, в центре, делал еще одну бурку — четвертую. Мне показалось, что такое размещение бурок можно заменить лучшей схемой. Взял и применил новый способ буровых работ. Он состоит вот в чем: одну бурку я делаю внизу, другую через метр ставлю вверх, затем опять через метр внизу и так далее. Шпуры располагаются в шахматном порядке. Таким образом весь обуренный пласт охватывается взрывной волной. Дело пошло лучше. При этом способе больше, чем раньше, приходится бурить шпуров вверх. Верхние шпуры легче делать, чем нижние. Кроме того, на каждые три метра обуриваемого пласта сократилось по одной бурке. А это значит, сократился расход времени и взрывчатки. Я стал быстрее обслуживать свой участок. Производительность моего труда заметно поднялась. Мой новый способ помог мне обогнать силача Лиева.

Трудовой успех новатора Суркова отмечен похвальной грамотой стахановца и денежными премиями.

* * *

После войны шахтерский коллектив пополнился новыми кадрами, которые вместе со старыми горняками возрождают местную угольную промышленность в долине Кубани. Это — люди, навсегда посвятившие себя сложному и почетному труду шахтеров. Различные обстоятельства послужили им поводом в выборе рода занятий.

Радист советского флота, старшина первой статьи, Яков Гуляев на шахты в горы попал, как он говорит, «чисто случайно». В годы Отечественной войны ему довелось служить вместе с забойщиком Скрипником. Всю войну шахтер с увлечением рассказывал о своей работе на ставропольских шахтах «Добывать уголь, — говорил он, — интереснейшее занятие. А местность — горная, да такая, что не уступит Крыму».

После демобилизации Скрипник и Гуляев вместе поехали в горы на шахты Ставрополя.

Гуляев не стал «стажироваться» в шахте. Он решил начать свою шахтерскую жизнь с зарубки угля. Минувя коногонов, грузчиков, крепильщиков, Гуляев сразу пошел в забой. Дней пять присматривался, а потом и сам взялся за обушок. Всем хотелось верить, что у энергичного моряка дело выйдет.

Когда Гуляев стал уже известным на шахтах, как передовой забойщик, он признался друзьям:

— Больше всего боялся я оскандалиться на своем новом поприще. Не выполнишь норму — шахтеры засмеют. Не хотелось упасть в грязь лицом. Моряки не любят этого... Теперь мои руки окрепли и уверенно держат обушок. И сам я быстро оклиматизировался в шахте.

За бывшим старшиной флота прочно утвердилась в долине Кубани хорошая слава. Две — три нормы сменного задания систематически выполняет молодой забойщик. Гуляев вызвал на соревнование своего соседа по забою Богданова, уже известного своими успехами забойщика, окончившего специальную школу горных мастеров. Богданов свое сменное задание перевыполняет более, чем в два раза. Гуляев решил его обогнать, чтобы досрочно выполнить свой пятилетний план. В этом вызове не было слепого расчета на удачу. Молодой шахтер уже знал себя, как забойщика, чувствовал в себе силу. Образование — он имеет незаконченное высшее, учился в Харьковском строительном институте — облегчило ему ориентировку в горном деле. И он сдержал свое слово — опередил Богданова. Если последний из месяца в месяц выполняет свое месячное задание на 180—250 процентов, то Гуляев — на 240—320.

— Забойщик, — говорит Гуляев, — играет в производстве главную роль. У него каждая секунда должна быть на учете. Фактор времени многое решает. Забойщику нельзя зевать, от него все зависит. А работа на шахте похожа на фронтовую. Надо умело разведать, с какого фланга удобнее зайти на зарубку. Пласт не везде одинаковый. Местами в нем попадаются мягкие слои. Внимательная и тщательная разведка помогают точно определить, где удобнее всего делать «прорыв». Во время зарубки угля надо обращать внимание на поведение кровли. Своевременно ее укрепить, чтобы потом работать без оглядки, зная, что тыл тебя не подведет. Когда все предусмотреть и сделаешь, тогда спокойно и без помех ведешь зарубку угля. У меня всегда к приходу навальщиков набирается готового угля столько, что только успевай выдавать его на-гора.

Как и у всех шахтеров, самоотверженно работающих, в успешном труде Гуляева проявляется патриотическая забота о могуществе Родины. Беспартийный забойщик внимательно читает газеты и следит за международным положением. Не нравится ему и настораживает поведение империалистических хищников, готовящих новую войну, клеветующих на миролюбивый Советский Союз. Он бережно хранит свою тельняшку и брюки клеш. Старшина первой статьи не забывает свой боевой корабль.

— Во всякое время и везде советский человек должен хорошо работать, — говорит Гуляев. — И наша страна будет непобедимой. А профессия любая хороша, если по-настоящему ею захочешь овладеть.

* * *

Грузчица Мария Воробьева оказалась на шахте «совсем неожиданно». В первые дни Отечественной войны она вместе с детским санаторием из Крыма эвакуировалась в Теберду. Отсюда ушла санинструктором в войска Советской Армии. Артполк, в котором она служила, воевал в Польше, Чехословакии, Венгрии, Германии и закончил свой славный путь в Японии. Воробьева на фронте вступила в члены ВКП(б).

В 1945 году Мария Воробьева демобилизовалась и вернулась в приглянувшуюся ей долину Кубани. Здесь все энергичные и боевые люди работают на шахтах. И она стала грузчицей.

— На фронте в борьбе с фашистами не пасовала, — говорит Мария, — и тут на трудовом фронте в борьбе за пятилетку ни за что не спасую.

Коммунистка Воробьева у своих подруг по шахте воспитывает дисциплину и сознательное отношение к труду, как к священному долгу советских людей. Она выступила зачинщицей соревнования среди грузчиц. Взяла на себя личное обязательство выполнить свою пятилетку в четыре года. Вызвала на соревнование Невидниченко. Инициатива в руках Воробьевой. Она выполняет сменное задание на 140 процентов, а Невидниченко на 120.

* * *

В ставропольской кочегарке работают сотни самоотверженных людей, полных творческого порыва и трудового энтузиазма. Немногие из них, упомянутые здесь, горняки одной шахты, Иванов, Сурков, Гуляев, Воробьева и их командиры производства Бабенко и Серединов — далеко не исчерпывают список горняков всех профессий — коногонов, навалыщиков, крепильщиков, бурильщиков, забойщиков — специалистов, избравших славную профессию, неустанно возрождающих и развивающих угольную промышленность. Они крепко держат в своих трудолюбивых руках судьбу бурно развивающейся местной топливной базы. Эти люди, воспитанные большевистской партией, стали сознательными тружениками, не только выполняющими производственные планы, но и изобретающими новые методы труда, применяющими новую технологию, обеспечивающие такой подъем производительности труда, который создает условия для выполнения пятилетки в четыре года. О них, стахановцах горного дела, с полным основанием можно сказать словами вождя, произнесенными им в исторической речи на первом Всесоюзном совещании стахановцев. Товарищ Сталин сказал:

«В самом деле, присмотритесь к товарищам стахановцам. Что это за люди? Это, главным образом, — молодые или средних лет рабочие и работницы, люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами. Большинство из них прошло так называемый технический минимум и продолжает пополнять свое техническое образование. Они свободны от консерватизма и застойности некоторых инженеров, техников и хозяйственников, они идут смело вперед, ломая устаревшие технические нормы и создавая новые, более высокие, они вносят поправки в проектные мощности и хозяйственные планы, составленные руководителями нашей промышленности, они то и дело дополняют и поправляют инженеров и техников, они нередко учат и толкают их вперед, ибо это — люди, вполне овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать».

Творчески развивая в себе благородные качества стахановцев, труженики шахт идут вперед от победы к победе.

Шахтеры Ставрополя так же, как и все «рабочие, крестьяне и интеллигенция нашей страны восприняли пятилетний план, как боевую программу, отвечающую их жизненным интересам. Можно надеяться, что советские люди во главе с Коммунистической партией не пожалеют сил и труда для того, чтобы не только выполнить, но и перевыполнить новую пятилетку». (Сталин).